

Гоголь и Бѣлинскій.

(см. стр. 37).

По концамъ Николаевской желѣзной дороги, въ двухъ главныхъ центрахъ русской общественной жизни, приютились двѣ знаменательныя могилы. На окраинѣ первопрестольной столицы, неподалеку отъ Серпуховской заставы, надъ излучиною Москвы-рѣки высятся съ насыпи Даниловъ монастырь — и въ одномъ изъ уголковъ его кладбища подъ развѣсистыми березами, стѣснилось въ кружокъ нѣсколько памятниковъ служителямъ русской мысли; тамъ, всторонѣ отъ легкой, бѣломраморной колонны, которую поставили одесскіе болгаре надъ прахомъ Венелина, близъ темнаго саркофага Языкова, лежатъ могильная плита и каменная глыба, съ краткою надписью: «горькимъ смѣхомъ моимъ посмѣюся». А въ Петербургѣ, на уныломъ пустырьѣ Волкова кладбища есть другая могила. Въ первой, какъ извѣстно, похороненъ Гоголь, во второй — Бѣлинскій.

Два имени — двѣ славы — два міросозерцанія.

Бѣлинскій былъ самымъ яркимъ представителемъ всего того, что впоследствии получило названіе западничества. Славянофилы причислили Гоголя къ *своимъ*, — по крайней мѣрѣ признавали его чуть не единственнымъ русскимъ поэтомъ. Прошло не болѣе двадцати лѣтъ по смерти того и другаго — и самыя слова «западникъ», «славянофилъ» потеряли всякое значеніе, въ наше недосужное время. Въ русскомъ лагерѣ нѣтъ болѣе ни западниковъ, ни славянофиловъ: остались одни русскіе люди — и таковыми несомнѣнно были Бѣлинскій и Гоголь, если горячая, неподкупная любовь къ родинѣ даетъ право зваться ея сыновьями.

Читатели конечно не ждутъ отъ насъ ни біографическаго очерка, ни сильной оцѣнки двухъ дѣятелей, которыми воспитано цѣлое поколѣніе: дѣятельность ихъ слиши-

комъ громадна, судьба слишкомъ трагична, силы пишущаго слишкомъ ничтожны...

Помѣщая рядомъ портреты Гоголя и Бѣлинскаго, мы позволимъ себѣ лишь высказать нѣсколько мыслей по поводу прискорбнаго недоразумѣнія, возникшаго между великимъ поэтомъ и единственнымъ критикомъ сороковыхъ годовъ, — недоразумѣнія, возникшаго подъ конецъ жизни и едва ли не по окончаніи дѣятельности въ ея истинномъ, реальномъ смыслѣ: по крайней мѣрѣ и Гоголь, и Бѣлинскій въ то время находились въ колеблющемся, переходномъ состояніи. Бѣлинскій, защищавшій интересы науки — отъ глумленій и фантазій барона Брамбеуса, защищавшій искусство отъ наѣзда самозванныхъ ревнителей

(теперь забытыхъ), сѣявшій философскія и эстетическія понятія въ массѣ читавшей публики, — вдругъ перешелъ къ вопросамъ социальнымъ, политическимъ, жгучимъ, крайнимъ. Гоголь, въ апогеѣ своей славы, издалъ «переписку съ друзьями».

Кому не памятно, или по крайней мѣрѣ не извѣстно впечатлѣніе, произведенное этой книгой? «Я пришелъ въ ужасъ и немедленно написалъ къ Гоголю большое письмо, въ которомъ просилъ его отложить выходъ книги хоть на нѣсколько времени» рассказывалъ о себѣ покойный С. Т. Аксаковъ. «Я пришелъ въ восторженное состояніе отъ негодованія» говорилъ онъ по полученіи отвѣтнаго письма: «и продиктовалъ Гоголю другое, небольшое, но жестокое

(Рисоваль К. О. Брожь, рѣзалъ на деревѣ граверъ Е. И. Величества Л. А. Сѣряковъ).

письмо.» Но тотъ же Аксаковъ въ 1852 году писалъ въ *московскія вѣдомости*: «смерть (Гоголя) все измѣнила, все поправила, всему указала настоящее мѣсто и придала настоящее значеніе».

Бѣлинскій не дожидъ до этой «всеноправяющей» смерти поэта, и если друзья Гоголя смутились, если кроткій и престарѣлый авторъ «Семейной хроники» могъ вознегодовать до «жесточаго письма», — удивительно-ли, что Бѣлинскій, въ тогдашнемъ его настроеніи, обрушился на Гоголя всей тяжестью своего карательнаго слова. Письмо Бѣлинскаго — къ Гоголю (писанное изъ Парижа) — не жестоко, оно ужасно: это конвульсивные удары, отъ

которыхъ наносившій ихъ долженъ былъ страдать болѣе, нежели тотъ, на кого они падали. Гоголь написалъ въ отвѣтъ не менѣе рѣзко, но съ болѣею сдержанностью и даже не безъ теплоты, однако не послалъ этого письма, разорвалъ его — и оно лишь случайно уцѣлѣло въ клочкахъ между бумагами поэта. Въ другомъ письмѣ къ Бѣлинскому, положившемъ начало этой перепискѣ, Гоголь говоритъ: «мнѣ не хотѣлось бы разсердить человѣка, даже нелюбшаго меня, тѣмъ болѣе васъ, который — думалъ я — любилъ меня». А Бѣлинскій не могъ не любить человѣка, котораго ставилъ такъ высоко и первый разъяснилъ его значеніе русской публикѣ. Какъ же должна была подѣй-

ствовать эта размолвка на такія чуткія, нѣжныя, болѣзненно-впечатлительныя натуры, какими надѣлены были Гоголь и Бѣлинскій?!.. И однако разрывъ послѣдовалъ — конечный.

Понятно, чѣмъ возбудила «переписка съ друзьями» такое страшное негодованіе въ Бѣлинскомъ, — который, съ одной стороны, находился въ то время подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ соціальныхъ идей запада, а съ другой — вполнѣ сознавалъ всю силу имени Гоголя, на заглавномъ листѣ книги, повидимому прямо враждебной всему западному.

Гораздо труднѣе вопросъ о томъ, что побудило Гоголя издать свою «переписку», — хотя объ этомъ вопросѣ въ свое время были написаны чуть не цѣлые томы. Послѣ опубликованія тѣхъ документовъ, въ которыхъ внутренняя жизнь автора «мертвыхъ душъ» выступаетъ съ полнотою — не только достаточною, но даже невѣроятною при скрытности характера Гоголя, — странно было бы повторять обвиненія въ желаніи достигъ «небеснымъ путемъ — чисто-земныхъ цѣлей».

Еще страннѣе говорить о какомъ-то крутомъ поворотѣ Гоголя къ религіознымъ идеямъ, или — какъ чаще говорилось — къ мнстцизму. Въ письмахъ поэта и задушевныхъ бесѣдахъ его съ друзьями, отъ самой юности и до смерти, проходитъ эта религіозная мысль непрерывной нитью — и не замѣчать ея можно лишь умышленно.

Не помнимъ, кѣмъ впервые сдѣлано сравненіе «мертвыхъ душъ» съ «божественной комедіей» Данта; но нельзя не согласиться, что аналогія этихъ двухъ поэтическихъ произведеній несомнѣнна. Первый томъ «мертвыхъ душъ», со всѣми его мрачными сторонами русской жизни, вполнѣ соответствуетъ Дантову аду; второй (насколько онъ извѣстенъ) — чистилищу, переходному состоянію душъ; въ третьемъ — должны были предстать читателямъ райскія, свѣтлыя явленія, положительные русскіе типы. А извѣстно, какая роковая судьба тяготѣла надъ «положительнымъ типомъ» въ русской литературѣ: Пушкинъ умеръ — едва взявшись за него, Лермонтовъ мучился имъ и произвелъ одинъ

слабый намекъ въ едва начатомъ отрывкѣ. Каковъ же долженъ былъ произойти переломъ въ міросозерцаніи Гоголя, который почти во всю свою дѣятельность «смѣялся горькимъ смѣхомъ», изображая отрицательныя стороны русской жизни?! Можно-ли сомнѣваться въ томъ, что адъ, изображенный въ первой части «мертвыхъ душъ», постоянно терзалъ самого творца этого ада?

«Переписка съ друзьями», по словамъ самого автора была подготовленіемъ къ выходу изъ этой страшной обители скорби, — Гоголь хотѣлъ вызвать этою книгой всесторонніе отзывы, мнѣнія и сужденія, хотѣлъ заставить высказаться *рускаго челоовѣка*, чтобы еще ближе и глубже узнать его. Не будемъ разбирать ни искренности этого признанія, ни самаго содержанія книги, подавшей къ нему поводъ. Образъ Гоголя, умирающаго въ неизмѣнномъ настроеніи своего духа и предъ смертію сожигающаго свой «рай», слишкомъ величественъ, чтобы можно было усомниться въ искренности поэта, — или слишкомъ загадоченъ, чтобы сказать нѣчто положительное, — или же слишкомъ трагиченъ для какихъ бы то ни было обвиненій. Значеніе же его, какъ великаго писателя, конечно ни умножилось, ни уменьшилось по выходѣ въ свѣтъ «переписки съ друзьями»; такъ же какъ и значеніе Бѣлинскаго — вовсе не въ томъ политико-соціальному отбѣнкѣ, который такъ ярко проступаетъ въ послѣднихъ, предсмертныхъ его статьяхъ, — но до тѣхъ поръ, пока въ Россіи не изсякнутъ интересы искусства, науки и философіи, имя Бѣлинскаго, какъ неутомимаго популяризатора ихъ, не будетъ чуждо тому народу, для котораго онъ трудился *до смерти* — и въ томъ и въ другомъ смыслѣ этого выраженія.

Заканчивая этимъ нѣсколько словъ къ прилагаемымъ портретамъ, мы не можемъ не выразить нашей признательности редактору «Голоса» и К. К. Случескому, почтившимъ наше изданіе: первый — позволеніемъ скопировать для «Нивы» принадлежащій ему портретъ Гоголя, писанный масляными красками въ Римѣ, а второй — ссудою намъ двухъ гипсовыхъ масокъ, посмертныхъ слѣпковъ съ лицъ Бѣлинскаго и Гоголя.